

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080013926-5

НЕООСМАНСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ¹

© 2021

Д.В. ЖИГУЛЬСКАЯ ^{a, b}^a – Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова;^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3163-4308; dvzhigulskaya@gmail.com

Резюме: В статье рассматривается феномен неоосманской ностальгии в контексте попыток формирования новой пост-кемалистской гражданской идентичности. Сегодня неоосманизм звучит в различных сферах жизни турецкого общества: в культуре, кино и литературе, политике и других. Новая Турция прилагает всеческие усилия для того, чтобы соединить воедино отдельные части её фрагментированной идентичности.

При этом среди представителей разных слоев турецкого общества распространен амбивалентный подход к османскому наследию. Большинство отцов-основателей светской республики негативно относились к османскому прошлому и винили империю в череде неудач, преследовавших её на закате своего существования – потерях значительных территорий и многочисленных военных поражениях. В результате кемалистского проекта национального строительства появилась современная турецкая нация, которая должна была стать частью западного мира.

Вместе с тем обращение к османским нарративам возродилось после перехода к многопартийной системе в 1950-х гг., восхищение османским прошлым заметно увеличилось в 1980-е гг. и достигло своего пика на современном этапе во время правления Партии справедливости и развития (ПСР). Лидеры партии стремятся создать новую идентичность для современной Турции, на свой лад трактуя и интерпретируя историю. В попытке навязать гражданам чувство единства нации ностальгия ПСР трактует османско-исламскую цивилизацию как источник исторического наследия турок. Стоит отметить, что возвышение ностальгии в Турции отражает глобальный тренд среди авторитарных популистских режимов мира.

Также необходимо учитывать, что растущий интерес к османской истории в современной Турции отражает изменения как в государственном политическом дискурсе, так и популярной культуре. Эта ностальгия по прошлому заново интерпретирует и деконтекстуализирует ранее четко сформулированные и закреплённые символы, идеи, исторические факты. В связи с этим необходимо разделять государственную политику неоосманизма и популярную тягу к османскому наследию среди народа – эти два дискурса отличны, хотя и взаимосвязаны.

Ключевые слова: Турецкая Республика, османизм, неоосманизм, ностальгия, национализм, консервативный нарратив, Партия справедливости и развития (ПСР).

Для цитирования: Жигульская Д.В. Неоосманская ностальгия в современной Турции. Восток (Orientis). 2021. № 4. С. 118–127. DOI: 10.31857/S086919080013926-5

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-636.2020.6.

NEO-OTTOMAN NOSTALGIA IN CONTEMPORARY TURKEY

© 2021

Daria V. ZHIGULSKAYA ^{a, b}^a – Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University;^b – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3163-4308; dvzhigulskaya@gmail.com

Abstract: *The article examines the phenomenon of neo-Ottoman nostalgia in the context of attempts to shape a new post-Kemalist civil identity. Today, neo-Ottomanism is making itself heard in various spheres of life in Turkish society: in culture, cinema and literature, politics and elsewhere. The new Turkey is making every effort to tie together individual parts of its fragmentary identity.*

This being said, an ambivalent approach to the Ottoman heritage is widespread amongst various strata of Turkish society. Most of the founding fathers of the secular republic took a negative view of the Ottoman past and blamed the empire for a string of failures that beset it at the dawn of its new existence – extensive territorial losses and numerous military defeats. The Kemalist nation building project gave rise to a modern Turkish nation which was supposed to become part of the Western world.

At the same time, the appeal to Ottoman narratives reemerged after the transition to a multiparty system in the 1950s; admiration for the Ottoman past increased noticeably in the 1980s and has now reached its peak under the Justice and Development Party (JDP). The party leaders are striving to create a new identity for contemporary Turkey, construing and interpreting history in their own way.

It should also be taken into account that the growing interest in Ottoman history in contemporary Turkey reflects changes in both the state's political discourse and popular culture. This nostalgia for the past reinterprets and decontextualizes previously clearly formulated and enshrined symbols, ideas and historical facts.

Keywords: Turkish Republic, Ottomanism, neo-Ottomanism, nostalgia, nationalism, conservative narrative, the Justice and Development Party (JDP).

For citation: Zhigulskaya D.V. Neo-Ottoman Nostalgia in Contemporary Turkey. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 118–127. DOI: 10.31857/S086919080013926-5

Acknowledgements: The study was supported by the grant MK-636.2020.6 under the RF President's Grant Programme for young candidates of science.

ИДЕОЛОГИЯ НЕООСМАНИЗМА

Идеология неоосманизма, исследуемая в данной статье, строится на фундаменте своего исторического предшественника – османизма, официальной идеологии Османской империи XIX в. Ориентируясь на создание новой османской нации, османизм пропагандировал принципы верховенства закона и обещал одинаковое отношение ко всем народам, населяющим империю, в вопросе прав и привилегий – взамен на их преданность и верность государству и нации [Kayalı, 1997, p. 18–24]. Главной целью османизма было нейтрализовать центробежные силы этнического национализма и сепаратистские движения на Балканах путем формального признания полиэтнической и мультирелигиозной природы Османской империи. Однако эта идеология не была успешной. Национальные движения различных народов, населявших империю, показали себя гораздо более эффективными и сильными, чем идея османской идентичности.

В целом, османизм, исламизм Абдулхамита II и тюркизм младотурок преследовали единую цель – спасти государство от националистических движений и европейской интервенции, которые угрожали разрушить империю [Blumi, Nakan Yavuz, 2013].

Османизм не только служил стратегией спасения государства, но был общественной моделью, сформулированной бюрократами эпохи Танзимата. Ввиду отсутствия единой национальной идентичности новая идеология основывалась на принципе общности территории и подчёркивала факт проживания всех народов на общей территории. После потери Османской империей Балкан фокус османизма сместился на восток, усиливая исламские референции. С этим фактом связано и то, что, говоря сегодня о неоосманизме, зачастую имеют в виду политику Турции на Ближнем Востоке.

Термин «неоосманизм» был изобретен с целью охвата широкого спектра идей и ценностных норм, свойственных для Турции и её миропонимания. Этот холистический комплекс идей и ценностей формирует определение того, как Турция характеризует себя.

Неоосманизм стремится создать новую национальную идентичность и отразить её как во внутренней, так и во внешней политике, используя при этом исторические, культурные и религиозные связи с бывшими османскими территориями. Новая турецкая идентичность не ограничена территорией Анатолии, но выходит за её пределы. Идея неоосманизма как сконструированной памяти о прошлом изначально была развита в турецкой литературе и культуре, позже перейдя в политическую сферу и публичный дискурс.

Д. Барчард, который изобрел сам термин «неоосманизм», предлагает следующее определение: «Осознание имперского прошлого», которое является «более мощной силой в Турции, чем ислам», потому что «по мере того как Турция приобретает экономическую силу, она будет усиленно пытаться заявить о себе» [Barchard, 1985, p. 91].

Таким образом, неоосманизм предлагает плюралистический взгляд на турецкую идентичность, допускает её широкую вариабельность, позволяющую многочисленным более частным этническим и лингвистическим идентичностям сосуществовать.

Цель неоосманизма – не восстановить прошлое, но подвергнуть критике настоящее с целью формулировки новой коллективной цели. Очевидно, что идеология неоосманизма стремится: разрушить кемалистскую концепцию идентичности и общества; выработать механизмы взаимодействия с бывшими османскими обществами с целью развития рынка сбыта товаров и, конечно, увеличения социо-политического влияния; вернуть ислам в общественную сферу.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НОСТАЛЬГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Хотя понятие ностальгии получило широкое теоретическое осмысление, оно довольно малоизучено и недооценено в рамках политического дискурса [Boym, 2001; Niemeyer, 2014].

Ностальгия представляет собой особую форму коллективной памяти, которая выстраивает эмоциональную связь с великим, но потерянным прошлым. Это прошлое проливает свет на политическую тропу, ведущую к успешному будущему нации. Такой вид коллективной памяти опирается на двойственное изображение реальности, в которой прошлое изображено как гораздо более успешное время по сравнению с настоящим. Вместе с тем ностальгия успешно сочетается с популистской риторикой, выполняя функцию эмоционального связующего звена с многовековым прошлым.

Любой политический проект держится на «историческом якоре», который может принимать различные формы, среди них, например, *травматический нарратив* [Alexander, 2004], *космополитизм* с присущей ему гармонией между различными народами и конфессиями, *культ исторического лидера* и др. Однако ностальгия современных политических проектов опирает-

ся, скорее, на «двойственность» истории: великое прошлое противопоставляется проблемному настоящему, от которого лидер или коллективная политическая сила должны спасти народ.

Турецкий политический проект ностальгии – неоосманизм – сочетает в себе различные дискурсы с целью полной замены преобладавшей в республиканский период традиции отрицания османской эпохи.

Сочетание и взаимодополнение ностальгии и популизма успешно формирует дискурс двойственных историй, который увеличивает расстояние между обычным народом и элитой. В этом контексте лидеры Партии справедливости и развития (ПСР) утверждают, что ложная история неудач Османской империи, выдвинутая представителями республиканской светской элиты, насильно насаждалась среди обычного народа, в то время как правдивая версия османско-исламской истории всё еще подавляется частью политической элиты, но возрождается усилиями партии и режима. В качестве примера можно привести выражение Реджепа Тайипа Эрдогана во время памятных мероприятий, посвященных наследию султана Абдулхамита II: «Некоторые люди всё еще ошибочно пытаются свести начало истории Турции к 1923 году» [Karakaya, 2020, p. 140].

Действительно, потеря обширных территорий Османской империей стала серьезной травмой как для простого народа Турции, так и для государственных деятелей и политиков. В первые десятилетия существования светской республики наблюдался жесткий отказ от османского прошлого и негативная реакция на всё, что напоминало о былых поражениях и неудачах.

С провозглашением республиканской Турции в 1923 г. османское прошлое, в отличие от европейского уклада жизни, стало «чужим» для современного турка [Koynucu, 2014, p. 41], идентичность которого была сконструирована благодаря революционной политике Мустафы Кемалю Ататюрка (1881–1938). Отцы-основатели Турецкой Республики хотели создать новую идентичность – светского турка, который бы принадлежал западной цивилизации и гордился своим культурным наследием, при этом не замечая недавнего османского прошлого. Поэтому Центральная Азия и исторические земли тюрков – Туркестан – были представлены как историческая родина турок. Турецкий язык и история древних тюрков были возвышены и их роль нарочито подчеркнута в ущерб исламской и османской идентичностям и их истории. Иными словами, процесс национального строительства основывался на доисламском и тюркоцентричном видении мира. Политику раннереспубликанского правительства можно сравнить с французской революцией как «цивилизующий процесс сверху» с целью «создания нового образа жизни» [Çolak, 2000, p. 13, 144–145]. В этом новом образе жизни наука и рационализм были представлены как истинные ориентиры вместо следования религиозному фактору и политике сектарианизма [Sayılı, 2010].

Вестернизация должна была быть достигнута и ментально, и физически, в том числе и во внешнем облике, одежде, манерах и привычках. В 1935 г. Айя-София (или Собор Святой Софии), византийский храм, превращенный в мечеть в 1453 г., стал музеем, открытым для всех. В тот же день официальный выходной был изменен с пятницы на воскресенье [Mango, 1999, p. 499]. Таким образом, не отвергая религию открыто, кемалистская Турция предложила национализм и науку в качестве центральных компонентов в создании новой турецкой нации, гордившейся своей историей, закрепленной в «Турецком историческом тезисе» (тур. “Türk Tarih Tezi”) 1930-х гг. Согласно этой исторической теории, турки считались основателями практически всех древних цивилизаций в Анатолии и Центральной Азии, таким образом обходя недавнее прошлое Османской империи. При этом нужно отметить, что значительная часть турецкого населения не приняла полностью или даже отрицала радикальные реформы Ататюрка. С переходом к многопартийной системе в 1950-х гг. требования народа стали звучать громче, и были услышаны правящей Демократической партией (ДП) [Uzer, 2020, p. 4].

Так, в 1950-х гг. начался процесс возрождения османского нарратива. Хотя правительство ДП издало специальный закон в защиту наследия Ататюрка, который скончался в

1938 г., исламисты и консервативные слои населения чувствовали себя более свободными в выражении своих идей и даже призывах к смене статуса музея Айя-Софии обратно в мечеть. ДП со временем превратилась в коалицию кемалистов, националистов, либералов и консерваторов [Çınar, Sezgin, 2013]. Примечательно, что руководство ДП стремилось контролировать экстремальные формы проявления антикемализма и любую антисветскую деятельность, в то же время используя религиозный дискурс для привлечения голосов. В итоге в 1950-е гг. и позже османское наследие было сохранено в литературе, искусстве и музыке, несмотря на отрицание османского прошлого кемалистским режимом и попытки подавить «это имперское привидение» [Nakan Yavuz, 2016, p. 439–440].

Пятисотая годовщина завоевания Стамбула в 1953 г. стала знаменательным событием, во время которого политики правого крыла стали активно ассоциировать себя с османской историей. Можно утверждать, что с этого времени интерес ко всему османскому значительно возрос, а в 1980-е гг., когда Тургут Озал занимал пост премьер-министра, возникло новое явление, известное как неоосманизм. Вместе с тем беспрецедентный рост культурных и ценностных отсылок к османскому прошлому можно отнести к периоду правления ПСР (с 2002 г. по настоящее время).

Необходимо подчеркнуть, что неоосманизм в Турции не предполагает восстановление монархии и османской династии. Эмоциональный аспект этой идеологии включает в себя чувственную привязанность к Османской империи и её величию, которая вызывает чувство гордости среди населения и ностальгии по былым временам, в то время как тактический элемент неоосманизма предполагает использование истории в качестве инструмента создания альтернативной национальной идентичности с усиленной консервативной составляющей. Нередко такой подход воспринимают как своеобразное прикрытие для растущих про-исламских настроений. Ностальгия по османским временам в руках правящего режима выполняет эффективную роль в уничтожении светских ценностей Турции западного образца и создании нового общественного уклада с сильными исламскими референциями в политическом дискурсе. Эту идеологию можно считать своеобразным инструментом «уничтожения кемалистской концепции идентичности и общества» [Nakan Yavuz, 2016, p. 448].

НЕООСМАНИЗМ ЭПОХИ ТУРГУТА ОЗАЛА

Концепция неоосманизма приобрела особую популярность во времена Тургута Озала, который занимал пост премьер-министра в 1983–1989 гг., а затем президента Турции в 1989–1993 гг. Озал предложил компромиссный подход, включающий консервативные ценности и принимающий исламские референции и османское наследие, и в то же время Озал открыл экономику Турции миру. Экономические и социальные изменения эпохи Озала заложили основу и создали благоприятные условия для подъема политического ислама в 1990-х гг., который вышел на качественно новую ступень с приходом к власти ПСР в 2001–2002 гг.

Подход Озала к османизму можно охарактеризовать как плюралистский и мультикультуралистский, стремящийся решить курдский вопрос и создать более инклюзивную национальную идентичность [Nakan Yavuz, 2016, p. 456, 459].

Озал считается первым турецким лидером, привнесшим провинциальный религиозно-консервативный элемент в политическую сферу. Экономические реформы Озала завершили период статической экономики и поддержали экспорт-ориентированную политику. Эти меры наряду с либерализацией экономики привели к возникновению нового среднего класса религиозно-консервативной анатолийской буржуазии. Озал подчёркивал прозападную ориентированность Турции, подав заявку на членство в ЕС. В Турции была проведена серия реформ, направленных на демократизацию и соблюдение прав человека, среди них – отмена смертной

казни, наделение значительными правами курдского меньшинства и налаживание диалога с ним. Во внешней политике Озал развивал связи с Балканами и тюркскими республиками Центральной Азии, приобретшими независимость. Границы между государством и обществом были обозначены заново. Новые экономические акторы, известные как «анатолийские тигры», стремились внедрить в общественную сферу элементы османско-исламского прошлого. Реформы Озала наделили властью гражданское общество и позволили общественным силам формировать государственную идентичность и влиять на внешнюю политику.

При этом во внешней политике неоосманизм Озала не обязательно включал экспансионизм, но предполагал более активную роль Турции на бывших территориях Османской империи. Можно утверждать, что неоосманизм Озала имел имперское видение мира, но не империалистское. При этом Озал не разделял антизападные настроения, как это делали партии движения Национального видения (тур. Milli Görüş), например, Партия благоденствия в 1990-х гг., для которой исламизм и османизм были синонимичными понятиями.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ В ТУРЦИИ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ ПСР

Муниципальные выборы в Турции в 1995 г. были поворотным моментом в процессе исламизации государства и общества. Успех происламской Партии благоденствия и последующая коалиция в правительстве сместили страну с тропы кемализма в направлении проекта новой Турции. Руководство Партии благоденствия стремилось восстановить «Великую Турцию» как центр исламской цивилизации, обращаясь к ценностям османского прошлого. Такая форма неоосманизма отличалась от подхода Озала и использовала термины «османизм» и «исламизм» как взаимозаменяемые. Также новый вид неоосманизма стремился к гомогенизации общества, в то время как подход Озала подразумевал мультикультурализм и укрепление прав и свобод человека.

Партия справедливости и развития пришла к власти в 2002 г. Несмотря на свои исламистские корни, руководство партии на раннем этапе своего правления следовало проевропейскому курсу, постепенно возвращаясь к своей исламской идентичности. Самоидентификация партии в качестве прогрессивной мусульманской партии сама по себе была чем-то совершенно новым для Турции. Так, период правления ПСР можно разделить на несколько этапов: проевропейский период 2002–2011 гг., период смещения в область исламских ценностей 2011–2014 гг., период изоляционизма с 2014 г. по настоящее время. В плане идеологии ПСР пыталась осуществить изменения идентичности, сменив «монолитную турецкую идентичность» на «идентичность, базирующуюся на исламских ценностях». Таким образом, понятия «турок» и «турецкий» сводились к одной из многих этнических групп в стране [А1, 2019, р. 152, 155].

Начало неоосманистского дискурса ускорило процесс деевропеизации для турецкого общества, который также привел к смене роли Турции на международной арене. Турция официально повернула своё лицо на Восток.

Неоосманизм стал главным инструментом в создании нового политического проекта ПСР, который был начат внешней политической доктриной Ахмета Давутоглу, и обернулся в процесс реконструкции идентичности во времена, когда доминирующая позиция ЕС в турецкой внутренней и внешней политике подвергалась острой критике.

Увеличение роли неоосманизма как во внутренней, так и во внешней политике, а также в продукции поп-культуры продолжает отдалять Турцию от некогда популярной европейской идентичности. Артикуляция новой турецкой идентичности в рамках неоосманистского дискурса способствует созданию дихотомии «мы–они», где «мы» – это новое консервативное турецкое общество, а «они» – Европа и западные ценности.

Представители светских кругов в Турции стремились противостоять политике исламизации ПСР. Это привело к резкой поляризации турецкого общества на приверженцев светскости и консерваторов. Религиозный идеологический нарратив столкнулся с республиканской идеологией. Пользуясь терминологией Э. Лаклау, можно заключить, что это противостояние привело к «дискурсивным битвам», в которых противоборствующие дискурсы борются друг с другом, чтобы достичь гегемонии [Laclau, 2007, p. 545]. Политический дискурс неразрывно связан с политическим действием. Естественно, ПСР предпринимает практические усилия, чтобы создать новую идентичность на основе своих дискурсивных паттернов. Новая Турция при правлении ПСР идеализировала османский нарратив как конкурирующий со светской республиканской идеологией – кемализмом. Вместо прямых обвинений в адрес Ататюрка, османское прошлое представляется в виде идеала, достойного подражания. Примечательно, что консерваторы возвышают фигуру султана Абдулхамита II, хотя во время его правления в Османской империи наблюдался значительный упадок и были утрачены обширные территории. Абдулхамит II для консерваторов выступает в роли героя, альтернативного Ататюрку, «турецкая идентичность», в свою очередь, была сведена до одной из этнических идентичностей, наряду с курдской, черкесской, лазской, албанской. Вместе с тем, немусульманские этносы Турции снова не были включены в новую идентичность, предложенную Р.Т. Эрдоганом. Примечательно, что Эрдоган зачастую избегает использования словосочетания «турецкая нация», предпочитая ему «наша нация».

Являясь идейно образующим нарративом ПСР, неоосманизм, естественно, имеет влияние на внутреннюю и внешнюю политику Турции. Как это явно продемонстрировано в книге «Стратегическая глубина» (тур. “Stratejik Derinlik”) бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Турции А. Давутоглу, неоосманизм во внешней политике стремится установить связи со странами Ближнего Востока и Балканами ценой смещения приоритетов с традиционного прозападного направления [Murinson, 2006, p. 945–964].

При этом регион Ближнего Востока и тесные связи Турции с ним воспринимаются как историческая и географическая судьба Турции [Davutoğlu, 2011].

Во внутренней политике политический истеблишмент настойчиво стремится подчеркнуть османское прошлое, это стремление отчетливо проявляется в праздновании исторических событий османской эпохи, ревитализации османского наследия на официальных мероприятиях, поддерживаемых правящим режимом, в школьных учебниках и т.д.

НЕООСМАНСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ В ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ ТУРЦИИ

История и память – взаимосвязанные понятия, однако не синонимичные. Память предполагает общественное понимание прошлого, она становится кодифицированной и консолидированной в рамках определенного нарратива, выработанного в условиях актуального контекста. Память относится скорее к поиску идентичности: к тому, как человек и общество пытаются понять прошлое, чтобы придать форму настоящему и будущему. Сегодня память об османском прошлом реконструируется в сфере культуры и киноиндустрии значительно активнее, чем история империи.

Согласно мнению А. Байера, «ранее четко разделенные понятия популярной и официальной истории, сферы образования и развлечений – сегодня всё менее разделены, а границы между ними размыты» [Baer, 2001, p. 491–501]. Этот процесс размывания границ между популярным и официальным наблюдается сегодня и в Турции, которая активно использует «мягкую силу», обращаясь к культуре как государственному ресурсу с целью привлечения внимания и интереса стран региона. С 2003 г. Турция производит более 60 фильмов ежегодно, среди которых сериалы «Великолепный век» (тур. “Muhteşem Yüzyıl”) и «Запретная любовь» (тур. “Aşk-ı Memnu”), которые демонстрируют на Балканах, в странах Кавказа и на Ближнем Востоке.

Сериал «Великолепный век», посвященный жизни султана Сулеймана Великолепного (1520–1566 гг.) и его возлюбленной и жене Хюррем (Роксолане), ставшей самой влиятельной женщиной в истории Османской империи, вызвал всплеск интереса к османскому периоду истории и спровоцировал многочисленные дебаты относительно исторической правды, которые А. Онджю охарактеризовала как «общественная болтовня» [Öncü, 2011, p. 53].

Сериал обрел множество поклонников как в Турции, так и за её пределами. Примечательно, что Р.Т. Эрдоган осуждал сериал за ошибочное изображение османских предков, проводящих всё своё время в гаремных интригах вместо того чтобы сражаться верхом на коне. Существуют сведения о том, что высокопоставленные представители ПСР просили продюсеров сериала прекратить его выпуск. Братья Тайлан – продюсеры сериала – в интервью 2013 г. изданию “The New Yorker” заявляли, что им пришлось платить штрафы и применять самоцензуру, например, осознанно увеличить число военных сцен [Batuman, 2014].

«Великолепный век» демонстрирует, как изменился государственный контроль над популярной культурой. В начале 1930-х гг. турецкая политическая элита транслировала свою увлеченность вестернизацией в популярной культуре. Это привело к культурной опеке и вторжению в сферу музыки, фильмов, радио и искусства. Такие спорные инициативы, как запрет на османскую дворцовую музыку на общественном радио с целью популяризации западной музыки, явно отображают связь между популярной культурой и эпохой модерна [Ergin, 2005, p. 63–92].

Популярная культура в Турции является противоречивой областью, которая свидетельствует о борьбе и спорах в отношении различных подходов к модернизации и истории.

Подъем интереса ко всему османскому в популярной культуре соответствует двум примечательным историческим сдвигам: во-первых, стирание культурных границ между высокообразованным населением и широкими массами; во-вторых, смещение из сферы государственно-спонсированного культурного модерна и последующие попытки реабилитировать османское и исламское наследие. Этот факт ведет к популяризации и коммерциализации истории, но также ставит новые вопросы, на этот раз – о подлинности исторических идентичностей [Ergin, Karakaya, 2017, p. 45].

В 1990-е гг. уровень государственного вмешательства в культуру и её спонсирование существенно снизились, произошел всплеск интереса к популярной культуре. В результате расстояние между официальным и популярным подходом к оценке культурного сократилось.

Восприятие османской истории в современном турецком обществе – вопрос комплексный и контекстно ограниченный. В Турции не существует единого и последовательного отношения к османскому наследию, в то же время восприятие популярной истории нельзя разделить на условные противоборствующие лагеря – например, религиозный и светский. С одной стороны, исламизм в Турции проникает в капитализм по мере того, как мусульмане интегрируются в коммерциализированную и ориентированную на развлечения популярную культуру [Tuğal, 2009]. С другой стороны, люди, которые подчёркивают свою приверженность светским ценностям, выражают опасения в отношении того, как прошлое Османской империи изображается и трактуется.

Несоответствие в восприятии между продюсерами «Великолепного века», консервативными госслужащими и религиозными группами привело к постепенной самоцензуре сценаристами сериала. Данный факт демонстрирует, что увлечение османской культурой является противоречивой областью, которую формирует не только видение продюсеров и режиссёров, но и общественное восприятие. При этом определение «настоящей истории» меняется от человека к человеку и учреждения к учреждению, таким образом сплетая воедино государственный и популярный дискурсы. Как отмечено ранее, коллективное восприятие Османской империи является довольно комплексным и отличается в деталях. Тем не менее, центральный нарратив изображает Османскую империю как мультикультурное и толерантное государство и вместе с тем исламскую имперскую силу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обе формы неоосманизма (предложенные Озалом и Эрдоганом) имеют мало общего с идеологией османизма XIX в., которая предполагала сосуществование представителей различных конфессий как равноправных жителей империи [Çetinsaya, 2003, p. 361–380] и была выработана как гражданско-правовая система с целью поддержания единства империи.

Неоосманизм Т. Озала, в свою очередь, стоит рассматривать как прагматический ответ проблеме идентичности в условиях после окончания холодной войны. Его также можно считать политической стратегией, направленной на решение политических конфликтов идентичностей. Озал прибегал к историческим референциям с целью либерализации Турции.

Важно подчеркнуть, что, в то время как неоосманизм Т. Озала имел прозападный характер, неоосманизм Эрдогана является инструментом в его попытках занять место лидера мусульманского мира. Можно заключить, что, не отказываясь целиком от кемалистской идеологии, в эпоху ПСР произошло медленное стирание памяти об Ататюрке и его взглядах.

Неоосманизм правящей ПСР определяет внешнюю политику Турции, а также мультикультурный космополитичный дискурс во внутренней политике и влияет на процессы урбанистической трансформации. Новая консервативная элита Турции в противоположность республиканской элите, черпает своё историческое вдохновение преимущественно из эпохи Османской империи, которую они изображают как мультикультурную, набожную, справедливую и гармоничную веху в истории. При этом неоосманский дискурс сегодня говорит нам больше о настоящей субъективности, чем о конкретных событиях в истории Османской империи. Основой сегодняшнего неоосманизма является османцентричная исламская солидарность, нормы ислама и позитивный цивилизационный аспект исламизма с ведущей и объединяющей ролью Турции.

Такая ностальгия не основана на анализе или рациональном переосмыслении османского прошлого, но содержит в себе чувственные и идеологические элементы, которые формируют новую идентичность для Турции. Популяризация османского наследия явно наблюдается в увеличении числа популярных фильмов и сериалов на османскую тематику, а также повсеместном развитии ресторанов османской кухни, росте интереса к культуре, моде, музыке Османской империи. Такой культурный феномен можно охарактеризовать как дух времени, или *Zeitgeist*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

ДП – Демократическая партия

ЕС – Европейский союз

ПСР — Партия справедливости и развития

JDP – The Justice and Development Party

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Al S. *Patterns of Nationhood and Saving the State in Turkey: Ottomanism, Nationalism and Multiculturalism*. New York: Routledge, 2019.

Alexander J.C. Cultural Pragmatics: Social Performance Between Ritual and Strategy. *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22 (4). Pp. 527–573.

Baer A. Consuming History and Memory through Mass Media Products. *European Journal of Cultural Studies*. 2001. Vol. 4 (4). Pp. 491–501.

Barchard D. *Turkey and the West*. London: Routledge Chatham House Papers, 1985.

Batuman E. *Ottomania: A Hit TV Show Reimagines Turkey's Imperial Past* <http://www.newyorker.com/magazine/2014/02/17/ottomania> (accessed: 01.02.2021).

- Blumi I., Hakan Yavuz M. Introduction: Lasting Consequences of the Balkan Wars (1912–1913). *War and Nationalism: The Balkan Wars 1912–1913, and Their Sociopolitical Consequences*. Ed. M. Hakan Yavuz, I. Blumi. Salt Lake City: University of Utah, 2013. Pp. 1–30.
- Boym S. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001.
- Çetinsaya G. Cumhuriyet Türkiye'sinde Osmanlıcılık. *Modern Türkiye'de Siyasal Düşünce*. Ed. A. Cığdem. 2003. Cilt 4. Pp. 361–380 [Çetinsaya G. The Ottomanism in Republican Turkey. *Türkiye'de Siyasal Düşünce*. Ed. A. Cığdem. 2003. Vol. 4. Pp. 361–380 (in Turkish)].
- Çınar M., Sezgin İ.G. Islamist Political Engagement in the Early Years of Multi-Party Politics in Turkey. *Turkish Studies*. 2013. Vol. 14 (2). Pp. 329–345.
- Çolak Y. *Civilizing Process from Above: Culture and State in Turkey (1923–1945)*. Bilkent University, 2000.
- Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2011 [Davutoğlu A. *Strategic Depth: Turkey's International Position*. İstanbul: Küre Yayınları, 2011 (in Turkish)].
- Ergin M. On Humans, Fish, and Mermaids: The Republican Taxonomy of Tastes and Arabesk. *New Perspectives on Turkey*. 2005. No. 33. Pp. 63–92.
- Ergin M., Karakaya Y. Between neo-Ottomanism and Ottomania: Navigating State-led and Popular Cultural Representations of the Past. *New Perspectives on Turkey*. 2017. No. 56. Pp. 33–59.
- Hakan Yavuz M. Social and Intellectual Origins of Neo-Ottomanism: Searching for a PostNational Vision. *Die Welt Des Islams*. 2016. No. 56. Pp. 438–465.
- Karakaya Y. The Conquest of Hearts: the Central Role of Ottoman Nostalgia within Contemporary Turkish Populism. *American Journal of Cultural Sociology*. 2020. Vol. 8. Pp. 125–157.
- Kayalı H. *Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Koyuncu B. *Benim Milletim... AK Parti İktidarı, Din ve Ulusal Kimlik*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2014 [Koyuncu B. *My Nation... The JDP Rule, Religion and National Identity*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2014 (in Turkish)].
- Mango A. *Atatürk*. London: John Murray, 1999.
- Laclau E. Discourse. *A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Ed. R.E. Goodin, P. Pettit, T. Pogge. Blackwell Publishing, 2007. Vol. 2. Pp. 541–546.
- Murinson A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy. *Middle Eastern Studies*. 2006. Vol. 42 (6). Pp. 945–964.
- Niemeyer K. *Media and Nostalgia: Yearning for the Past, Present and Future*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2014.
- Öncü A. Representing and Consuming “The East” in Cultural Markets. *New Perspectives on Turkey*. 2011. Vol. 45. Pp. 49–73.
- Sayılı A. *Hayatta En Hakiki Mürşit İlimdir*. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi, 2010 [Sayılı A. *Our True Mentor in Life is Science*. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi, 2010 (in Turkish)].
- Tuğal C. *Passive Revolution: Absorbing the Islamic Challenge to Capitalism*. Stanford: Stanford University Press, 2009.
- Uzer U. Conservative Narrative: Contemporary Neo-Ottomanist Approaches in Turkish Politics. *Middle East Critique*. 2020. Vol. 29. Issue 3: Special Issue: Erdoğan's Turkey; Guest Edited by Hakan Yavuz, Ahmet Erdi Öztürk. Pp. 1–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЖИГУЛЬСКАЯ Дарья Владимировна – кандидат исторических наук, заместитель директора ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Daria V. ZHIGULSKAYA, PhD (History), Deputy Director of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University Senior Researcher, Oriental History Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.